

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

О России

Михаил Бакунин

Михаил Бакунин
О России
10, 15 и 18 мая 1863

IISG

ru.anarchistlibraries.net

10, 15 и 18 мая 1863

ву считают лучшим из Немцев, а мы по той же причине считаем самым злополучным из Русских.

Прежде чем закончить это длинное письмо, я хотел бы изложить вам, милостивый государь, текущую ситуацию, потребности и надежды России³².

---

³² Этот замысел не был осуществлен, возможно, потому что шведские газета отказали в дальнейшем Бакунину и «гостипримстве».

Польше, объединяя и воодушевляя людей, создавая комитеты второго уровня, которые он затем связывал с высшим военным Комитетом, который, как и польский центральный Комитет, находился в Варшаве; он скрывался целыми неделями в этом городе, где его присутствие было почти всегда необходимым. Он трижды приезжал в Лондон, где наш небольшой кружок, состоявший из Герцена, Огарева и меня, познакомился с ним, и, хотя он был младше нас по возрасту, мы все трое преклонялись перед его юным героизмом, прекрасным умом, большим сердцем и святой любовью к родине и свободе. Ему было всего двадцать пять лет. Его последний визит в Лондон состоялся через две или три недели после начала польского восстания. Он пришел к нам в отчаянии. Все его усилия оказались обреченными на провал, и он вернулся в Польшу, чтобы вступить в ряды польских повстанцев и умереть за святое дело свободы.

Его героический пример не пропадет даром. Не только офицеры, но и сами русские солдаты начинают переходить на сторону польских повстанцев. И, возможно, с Божьей помощью, наступит момент, когда мы больше не будем видеть польское восстание с одной стороны и русскую армию с другой, а увидим армию славянской свободы, сражающуюся с армией немецкого деспотизма.

Да, милостивый государь, политика, которая сейчас проводится в Польше, – не русская политика, это – политика вполне немецкая, причем немецкая не в национальном смысле, а в смысле *Готского Альманаха*³¹. Императоры, короли и великие князья, князья и принцы, графы и бароны Германии сегодня более чем когда-либо симпатизируют политике императора Александра, которого они по пра-

³¹ Готский альманах (Almanach de Gotha) – генеалогический сборник, издающийся ежегодно с 1763 года в немецком городе Гота. Альманах включает списки наиболее известных родов королевских домов и высшего дворянства Европы.

Оглавление

Предисловие Вячеслава Полонского	5
О России	15
I. Ответ на опубликованную биографию	15
II. На чем я стою	20
III. Империя и Федерация	24
IV. Причины польского восстания	30
V. Польское восстание	33

Позвольте мне, милостивый государь, воспользоваться этой возможностью, чтобы почтить память дорогого друга, молодого соотечественника, убитого несколько недель назад в рядах польских повстанцев русской пулей. Я имею в виду Андрея Потебню. Он был лейтенантом стрелковой роты, которая до восстания находилась в гарнизоне самой Варшавы. Он получил образование в одном из кадетских корпусов Санкт-Петербурга, и здесь я должен обратить ваше внимание на довольно любопытный факт: император Николай особо покровительствовал кадетским корпусам, воображая, что они являются питомниками, из которых выйдут массы слуг по его сердцу, приученных к подчинению и слепой преданности, не думающих, не мыслящих. Он ненавидел университеты, поскольку считал, и не без оснований, что, какими бы контролируемыми и ограниченными они ни были при его правлении, они представляли собой центры либеральной пропаганды. Что бы он сказал, если бы мог догадаться, что его любимые кадетские корпуса были центрами гораздо более опасной пропаганды, не только либеральной, но и демократической и революционной? – Из наших кадетских корпусов вышли и продолжают выходить наши самые верные и горячие друзья; сегодня они составляют основу русской армии, и вскоре, я надеюсь, у них будет возможность проявить себя и показать, на что они способны. Потебня был молодым человеком в высшей степени выдающимся. Он был героем без фраз, сочетавшим патриотический пыл и страстную любовь к свободе с холодным разумом, всепрактическим умом, бесстрашным сердцем и энергией, не знавшей преград. Он был душой Общества русских офицеров в Польше и пользовался безграничным доверием польского центрального Комитета. Его преданность, его холодный, смелый героизм не знали границ. Преследуемый и изводимый, как дикий зверь, всеми полицейскими силами, он путешествовал по всей

Правда, между императором Николаем и императором Александром II есть заметная разница, но она полностью в пользу первого. Николай был более откровенным, он был ревнивым и гордился своей жестокостью и никогда не позволял, чтобы кому-то в его империи причиняли вред, не вмешиваясь в это самым явным образом. Это был его способ притягивать к себе внимание и заставлять себя уважать. Александр более скромнее. Он наделяет своих лейтенантов абсолютной властью: из Санкт-Петербурга им поступают четкие приказы, а когда совершаются *необходимые* или кажущиеся необходимыми преступления, он умывает руки и вздыхает.

К счастью, эффект от системы, которую он приказал внедрить в Польше, оказался совершенно противоположным тому, на что он надеялся. Он полагал, что сможет парализовать польское движение террором, но, напротив, он только усилил его, доведя до крайности возмущение польской нации и вынудив два класса, которые до сих пор частично воздерживались от участия в нем, крестьян и дворян, броситься в него с головой: одни из возмущения, другие из отчаяния. Он возмутил общественное мнение в Европе до такой степени, что теперь, несмотря на трусливые колебания дипломатии, которая была еще более слепа, чем эгоистична, великим державам, особенно Франции и Англии, стало невозможно не вмешаться в пользу Польши. Наконец, третьим результатом этой ужасной системы стало полное разложение русской армии в Польше. Армия, которая грабит, не сражается. Дисциплина разрушена. Наши молодые офицеры, полные стыда, возмущения и отчаяния, тщетно пытаются удержать солдат: те обращают штыки против них. Многие русские офицеры ежедневно переходят в польские ряды, все больше понимая, что речь идет уже не о национальной борьбе, а о борьбе свободы и человечества против самой гнусной тирании.

Статья написана в первых числах мая 1863 года и тогда же напечатана в шведских газетах «Aftonbladet» (№108. 10.05.1863; №110. 15.05.1863; №112. 18.05.1863) и «Nya Dagligt Allehanda» без подписи, под заглавием «*Бакунин о России*». По-французски напечатана в «La Cloche» (№27. 15.09.1863) под заглавием «*Письма Михаила Бакунина о России*». Впервые на русском языке опубликована Вячеславом Полонским (Былое. 1924. №27/28. С. 22-27) по материалам, найденным им в Московском историко-революционном архиве (ныне – Государственный архив Российской Федерации – ГА РФ). Перевод по этому изданию, сверен с французским оригиналом.

Предисловие Вячеслава Полонского

Публикуемая статья Михаила Александровича Бакунина найдена нами среди бумаг бывшего министерства иностранных дел (в Московском историко-революционном архиве)¹.

Написанная в первых числах мая 1863 года и тогда же напечатанная в шведских газетах «Aftonbladet» и «Nya Dagligt Allehanda», статья эта дает исчерпывающее представление о программе Бакунина в русских делах в дни польского восстания. Значение ее для характеристики эволюции его взглядов не подлежит никакому сомнению, и среди других публицистических набросков Бакунина она займет не последнее место.

История происхождения этой статьи такова. Польское восстание, как известно, сильно захватило Бакунина. Герцен весьма картинно, хотя не всегда с достаточной объ-

---

¹ Упоминания об этой статье, со слов аугсбургской «Allgemeine Zeitung», встречаются в полемике «Дня» с Герценом в 1863 году по польскому вопросу.

ективностью, рассказал нам, как «волнуясь и спеша», Бакунин пытался форсировать события, «шагая семимильными шагами» через горы и моря, через годы и поколения. Направившись в Швецию в феврале 1863 года, Бакунин принял затем участие в экспедиции на пароходе «Ward Djackson», закончившейся решительной неудачей. Оторвавшись от экспедиции и не желая терять ни сил, ни времени безрезультатно, Бакунин проявил оживленную деятельность, отчасти налаживая сбыт в Россию революционных изданий, отчасти пытаясь завязать прочные связи с представителями шведского общества и финскими революционерами.

Пребывание в Стокгольме столь крупного деятеля, хотя и прикрывавшегося, на очень короткий срок, именем канадского профессора Анри Сюзэ, – не могло не вызвать пристального внимания как со стороны шведского министерства иностранных дел, так равно и со стороны русских агентов. Общественное мнение Европы, а вместе с ней и маленькой Швеции было на стороне восставшей Польши. Это не мешало, однако, шведскому министерству иностранных дел, в лице министра графа Мандерстрема, принимать всяческие меры во избежание трений с русским правительством. Поэтому, на ряду с овациями, которыми встречали шведы «известного беглеца» Бакунина, агенты шведского министерства иностранных дел плели тайную интригу, чтобы выжить из пределов Швеции «дорогого проповедника», как иронически ласково называл его Косидьер, революционный префект французской полиции 1848 года. Для этой цели граф Мандерстрем вступил даже в сношения с царской охранкой и получил от нее для публикации памфлет, сфабрикованный по хранившейся в III Отделении собственноручной «Исповеди» Бакунина и по его покаянным письмам царю Николаю и Александру. Публикацией этого памфлета граф Мандерстрем думал

повстанцев, так и мирных жителей польских городов и деревень, включая стариков, детей и женщин. Этой ужасной мерой, от одной только мысли о которой мурашки по коже, император Александр II одним махом не только сравнялся со своим отцом, императором Николаем жестокой памяти, но и превзошел его. Этим поступком он наложил на имя и на всю русскую нацию позор и бесчестье, за которые ему придется отвечать перед нами.

И после этого еще смеют говорить о милосердии Императора Александра! Сегодня, когда Польша погружена в огонь и кровь, благодаря этому самому милосердию, в Европе находят себя люди, которые имеют смелость советовать несчастным Полякам положиться на императорское великодушие! В мире действительно существуют удивительные проявления наивности, глупости и лицемерия, которые могут заставить усомниться в человеческом здравом смысле. Но, как говорят, Александр невиновен в этих преступлениях, он не знает о них, вина лежит единственно на его генералах. Он добр и благожелателен, но его чиновники отвратительны. – И вы действительно можете верить во все это? Можете ли вы представить себе, что преступления, возмущающие все человеческие и честные сердца Европы, о которых говорят от одного конца света до другого, могут оставаться ему неизвестными? А когда он узнает о них, думаете ли вы, что они могли быть совершены без его разрешения, без его формального и точного приказа? Но разве вы забыли, что он является абсолютным правителем и что в официальной жизни и деятельности все исходит от него? Разве вы думаете, что, посылая генерала Берга для умиротворения Польши, он не знал, кого он посылает и что тот делает? Я бросаю вызов любому честно-му человеку, который не является ни глупым, ни постыдно невежественным, поверить во все это.

конца. Им не хватило той веры, которая спасла польское движение, и из-за отсутствия веры они оказались бессильны. Тем не менее, в первые дни польского восстания одна из рот уже принесла присягу на нашем народном русском флаге с надписью: «*Земля и Воля*»²⁶. Но через несколько часов, обманутая ложными слухами, которые Немцы из армии распускали о якобы жестокости польских повстанцев по отношению к русским солдатам, эта рота не только изменила свое отношение, но и начала проклинать Поляков вместе со всей остальной армией. Русское правительство не ограничилось только клеветой. Естественно, больше всего опасаясь возможного объединения части русской армии с польским восстанием, доведенное до отчаяния и в конце концов сбросившее лицемерную маску гуманного, честного, цивилизованного правительства, которой оно так любило прикрываться перед Европой, оно прибегло к ужасным средствам, достойным Валленштейна²⁷, Тилли²⁸, старых немецких рейтеров²⁹ или итальянских кондотьеров³⁰ XVI века: он призвал на помощь самые низкие страсти солдат и, давая им волю, не только разрешил, но и поощрял, приказал грабить, жечь и массово убивать как

²⁶ *Zemlia i Volia* (la Terre et la Liberté)

²⁷ Альбрехт фон Валленштейн (1583-1634) – успешный полководец чешского происхождения активно участвовавший в тридцатилетней войне на стороне католической Австрии против протестантов. Его войска известны тем, что они отбивали свое содержание грабежом завоеванных территорий и бесконтрольной властью над ними.

²⁸ Иоганн Церклас, граф фон Тилли (1559-1632) – полководец разных стран, но прежде всего известен благодаря службе у католической лиги в тридцатилетней войне, где достиг выдающихся успехов. Также известен опустошающими целые области походами, например, осада Магдебурга, где погибло около 20 тысяч человек (защитников и мирных жителей) при населении города в 25 тысяч.

²⁹ Нем. «всадники».

³⁰ Руководители военных наемнических отрядов, состоявших из иностранцев на службе чаще всего у итальянских городов-коммун.

навсегда ликвидировать возможность дальнейшего пребывания Бакунина в Швеции². Но до того, как эта рукопись была изготовлена, озабоченный деятельностью опасного революционера и ползавший на коленях перед русским министерством иностранных дел, граф Мандерстрем «тиснул» анонимно биографию Михаила Бакунина в шведских газетах, все с той же «святой» целью – открыть глаза шведскому обществу на опасный характер русского беглеца. В одной из секретных депеш из Стокгольма князю Горчакову (от 29 апреля 11 мая 1863 года) сообщается о том, что Бакунин занят составлением ответа на это произведение графа Мандерстрема. Из этой депеши можно также заключить, что Бакунин, расточавший комплименты свободам гостеприимной страны, находился в этой стране под полицейским надзором русского правительства.

Вот что читаем мы в этой депеше:

«Пока что я узнал, что Бакунин снял комнаты на даче, расположенной у ворот города, чтобы провести там лето. Понимая, что его хотели бы удалить отсюда, он выражает намерение не дать себя выселить. Однако, относительно его будущих намерений удалось подметить у него некоторую нерешительность. В настоящее время он, как меня уверили, работает над произведением, касающимся его личности; быть может, это будет опровержение его биографии, помещенной в газете заботами графа Мандерстрема. Как и следовало ожидать, журналисты, преданные анти-русской партии, не перепечатали этой статьи, дающей возможность публике вполне ознакомиться с прошлыми подвигами Бакунина, и они приложили все меры к тому, чтобы ослабить неблагоприятное для героя баррикад

² См. об этом нашу работу «Бакунин. Из истории русской интеллигенции», Том первый, Бакунин-романтик. Стр. 391-392. Госиздат, Москва, 1922.

впечатление от этой статьи, провозгласив ее появление нарушением гостеприимства»³.

Впрочем, биография, опубликованная «стараниями» графа Мандерстрема, не заключала в себе ничего выдуманного, злого, клеветнического. Это была краткая, с обычными ошибками того времени, справка о деятельности Бакунина. Заимствованная частью из словаря Брокгауза, частью являющаяся перепечаткой биографической заметки о Бакунине, напечатанной еще в 1849 году в Стокгольмской газете «Aftonbladet». В глазах современного читателя, особенно русского, пережившего Великую октябрьскую революцию, в этой «биографической» справке нет ничего устрашающего. Но именно с устрашающей целью опубликовал ее гражданин Мандерстрем, справедливо учитывая впечатление, какое она должна была произвести на богобоязненных и лояльных шведских либералов, аплодирующих Бакунину. Называли же в свое время саксонцы Бакунина «der Russische Bluthund» – русский кровопийца. Показать его «кровопийцей, поджигателем, профессиональным бунтарем, преследующим тайные цели», эту именно задачу и ставил себе шведский министр иностранных дел.

Чтобы дать представление об этой биографической справке, извлечем ее из записки, сообщенной (на французском языке) русским посланником в Швеции Дашковым князю Горчакову⁴.

³ Деша не опубликована. Извлечена нами из бумаг министерства иностранных дел (Московского историко-революционного архива).

⁴ Не опубликована. Хранится там же. Биография эта напечатана в стокгольмской газете «Post och Turikes Tidningar» – от 29 апреля 1863 года, №97. Воспроизводим с несущественным сокращением.

полиции, которая должна была без исключения затронуть всех, кто удостоился чести заслужить ее подозрения. – Эта мудрая мера, столь напоминающая политику царя Ирода из Евангелия, должна была достичь одной из двух целей: либо она увенчалась бы успехом, и тогда Польша, лишенная одним махом всей своей героической молодежи, живой, энергичной части своего населения, была бы надолго умиротворена. Или же эти несчастные Поляки, доведенные до отчаяния, подняли бы восстание без какой-либо подготовки, без оружия, без надежды на успех, и были бы легко разгромлены. Как видно, расчет был неплохим; только, как это часто бывает в истории, материалисты реакции не учли чуда мощного идеализма верующей, героической нации, которая чувствует в себе большое будущее. В 1861 году Польша представила невиданное зрелище: весь народ, подчиняясь приказу или, скорее, вдохновению свыше, позволил себя убить: мужчины, женщины, дети, не оказывали ни малейшего сопротивления, даже не поднимали крика протеста, но спокойные и величественные, как никогда, в своей мрачной покорности. А в 1863 году совершенно безоружная молодежь, лишенная всех средств ведения войны и руководствующаяся только своим патриотизмом и отчаянием, осмелилась бросить вызов российской империи и, увлекая за собой всю нацию, начать огромную, народную революцию, которая, несомненно, закончится не только триумфом Польши, но и освобождением и восстановлением всей Северной Европы.

Что сделал *русский военный Комитет*, что сделали наши друзья-офицеры армии, расквартированной в Польше, чтобы помочь польскому восстанию? Увы! Они сделали мало или почти ничего. Их пропаганда среди солдат только началась, и хотя их роты слушали их с большим вниманием, в момент кризиса им не хватило веры, они не осмелились поверить, что солдаты последуют за ними до

была еще одна причина: он видел, как между польскими и русскими патриотами устанавливалось взаимопонимание; он не мог игнорировать настроения, которые все больше одушевляли молодых русских офицеров в Польше, поскольку в памятном обращении к великому князю Константину, опубликованном в «Колоколе», эти офицеры громко выразили свою симпатию к польскому делу и отвращение к роли палачей, которую их заставляли играть в Польше. Эти настроения могли и должны были созреть и принести плоды, благотворные для России, но горькие и ядовитые для Санкт-Петербурга.

Русское правительство опасалось прежде всего одного: в первых числах марта 1863 года истекал срок, установленный им самим для освобождения русских крестьян. Оно было твердо намерено не давать им ни полной свободы, ни земли, которую они ждали, ждут и хотят до сих пор единодушно по всей территории империи. Оно опасалось восстания в России, понимая, что если русская революция объединится с революцией польской, то обе они станут непобедимыми. Он также знал, что руководители тайной русской организации умоляли польский центральный комитет отложить польское движение настолько, насколько это возможно, что Поляки с радостью согласились на это, и он считал, что совершит великий подвиг, развязав его раньше. Но как это сделать? Какой жестокой мерой положить конец святому польскому терпению, которое, казалось, привыкло ко всем ужасам? Маркиз Велопольский, Поляк-ренегат, отцеубийца, предатель, еще более презренный, чем Кронштадт, этот предатель Свеаборга, чье имя отныне будет приковано к позорному столбу истории, предложил ему новую меру: новый чудовищный способ рекрутчины, без правил и ограничений, или, как сказал один английский министр, массовая мобилизация, подчиненная единственно прихоти гнусной и жестокой

«I.

Михаил Бакунин, известный своим революционным направлением, сын помещика Новоторжского уезда⁵, родился в 1811 году и воспитывался в петербургском кадетском корпусе.

Едва поступив прапорщиком в гвардейскую артиллерию, он подал в отставку и возвратился домой. В 1841 году он покинул Россию и отправился в Берлин, где стал изучать философию. В 1842 году он уехал в Дрезден, чтобы продолжать там свои занятия. Там, между прочим, он написал философскую диссертацию, которая была опубликована в немецких Ежегодниках под псевдонимом Жюля Элизара. К началу 1843 года он покинул Дрезден и отправился в Париж, где посещал общество польских эмигрантов. Оттуда он уехал в Швейцарию, там, именно в Цюрихе, он принял участие в происках коммунистическо-социалистических обществ. Результатом этого был приказ русского правительства возвратиться на родину, а так как он ему не подчинился, его имущество было конфисковано.

В 1847 году в горячей речи, произнесенной в Париже на одном банкете, он предложил полякам побрататься с русскими, чтобы совместно устроить революцию в России.

Эта речь произвела сильное впечатление, вследствие чего, по просьбе петербургского государственного совета, Бакунин в 1848 году был выслан из Франции. В то время как русское правительство обещало 10 тысяч рублей тому из своих агентов, который захватит Бакунина, ему удалось скрыться от их розысков в Брюсселе. После Февральской революции он вернулся в Париж. В июне 1848 года он появился в Праге, где принял участие в славянском конгрессе. Оттуда он направился в Берлин, где он не замедлил присоединиться к немецкой демократической партии, пока в

⁵ В записке: «du district de Torchok».

октябре его не выслали из Пруссии. В марте 1849 года он возвратился в Дрезден. Несмотря на то, что пребывание в этой столице ему было запрещено, он там нашел убежище у своих политических друзей до Майской катастрофы.

В качестве члена революционного правительства Бакунин, как кажется, руководил всем происшедшим в Дрездене. Спасшись бегством из столицы, он был в Хемнице арестован в ночь с 9 на 10 мая вместе с Гейбнером и Рокелем, и перевезен в Кёнигштайн. Приговоренный в 1850 году к смертной казни, замененной ему впоследствии пожизненным заключением, он был выдан Австрии, где его объявили виновным в государственной измене и приговорили к повешению, – приговор этот был подобно первому впоследствии смягчен.

Часто, но несправедливо, Бакунина принимали за шпиона и зарусского агента-provokatora. Еще не доказано, что он принимал участие в панславистских и немецких радикальных волнениях, имея исключительно в виду свои собственные намерения против России.

II.

Бакунин, который считался всегда зачинщиком Дрезденского восстания, играл в течение нескольких лет роль международного революционера и принимал иногда, правда, таинственное, но всегда значительное участие во всех европейских волнениях. Он был для славянства тем, кем был Мадзини для единства Италии. Хотя и различные в точках отправления, они очень сходны характерами. Вместо экзальтированной и мистической живости Мадзини, в Бакунине преобладает скорее философское и умозрительное начало. Цель, к которой он стремился, была, конечно, восстание в России, но, чтобы достигнуть

более трехсот членов и посвятила себя активной и горячей пропаганде среди солдат.

Правительство почувствовало опасность. Убежденное в неизбежности польского восстания, которое стало результатом его варварских деяний, оно решило ускорить его в надежде подавить его в зародыше. У него было две основные причины для этого. Первая была связана с внешней политикой. Сейчас уже ни для кого не секрет, что в момент, когда разразилась эта великолепная и, надемся, последняя польская революция²⁵, между Россией и Францией был на грани заключения наступательный и оборонительный альянс. Обе стороны работали над ним более года и достигли соглашения по вопросу о Востоке, против Австрии и Турции, а также против Англии. Всеобщая война, подкрепленная восстанием христианских народов Турции, а также южных славянских провинций Австрии, должна была начаться весной и обещала поднять Российскую империю на еще большую высоту, чем та, с которой ее сбросила катастрофическая Крымская война. Но для осуществления всех этих прекрасных планов нужно было иметь свободные руки, а можно ли было их иметь, пока Польша была недовольна и все время угрожала парализовать все внешние силы России неуместным восстанием?

Поэтому, прежде чем вступать в эту большую авантюру восточной войны, которая неминуемо превратилась бы во всеобщую войну, Россия должна была либо удовлетворить Польшу, либо подавить ее так, чтобы она не могла двигаться в течение долгого времени. Чувствуя себя неспособным удовлетворить ее, кабинет в Санкт-Петербурге решил пойти вторым путем: чтобы иметь свободные руки весной, он разгромит польское движение зимой. Для этого у него

---

²⁵ На момент написания этой статьи это польское восстание еще происходит. Оно будет окончательно подавлено в следующем 1864 году.

убежденные в святой законности польского дела и его глубокой солидарности с делом освобождения России, также образовали в Варшаве *тайный русский военный Комитет*. Они связались с нашим небольшим кружком в Лондоне, издававшим русскую газету «Колокол»²¹, которая, несмотря на свою незаметность, доставляла много хлопот нашим великим государственным деятелям в Санкт-Петербурге. Вместе мы заключили союз с *польским центральным Комитетом*, расположенным в Варшаве²², и этот союз был позже ратифицирован в Санкт-Петербурге *центральным Комитетом тайного русского Общества*, обширной ассоциации, охватывающей сегодня часть армии, дворянства, бюрократии и множество людей всех сословий из буржуазии и народа, разбросанных по всей поверхности империи, – общество под названием «*Земля и Воля*»^{23,24}. Тайная организация русских офицеров в Польше вскоре насчитывала

²¹ «Колокол» – первая русская революционная газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым в эмиграции в Лондоне в 1857-1867 годах. Бакунин здесь дает французское название и то, как оно звучит на русском, также он делает далее с другими названиями, здесь: *la Cloche* (*Kolokol*). Далее используются русские названия.

²² Центральный национальный Комитет (ЦНК, Centralny Komitet Narodowy) – руководящий центр повстанческой организации в период подготовки и развертывания польского восстания 1863-1864 годов. Основан в октябре 1861 года в Варшаве как подпольный Комитет движения, с лета 1862 года – ЦНК. В его состав входили польские революционеры – Я. Домбровский, И Хмеленьский, З. Падлевский, Б. Шварце, С. Бобровский.

²³ «Земля и Воля» – тайное революционное общество, образованное в России в начале 1860-х годов, насчитывало около 200 человек. Предположительно в руководство общества входили Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, С. С. Рыманенко, А. А. Слепцов, В. С. Курочкин, Н. Г. Чернышевский, Н. И. Утин. Представителями за границей считались А. И. Герцен и Н. П. Огарёв. Со спадом революционной ситуации «Земля и Воля» весной 1864 года самораспустилась.

²⁴ *société portant le nom de Zemlia i Volia, c'est-à-dire la Terre et la Liberté.*

этой цели, он вынужден был принять участие в немецких, французских и славянских волнениях. Со времени его речи, произнесенной в Париже в 1847 году по случаю польского банкета, в которой он предложил полякам побрататься с русскими, чтобы революционизировать Россию, он стал центром революционной *агитации*.

Тот факт, что император Николай потребовал от французского правительства изгнания Бакунина, так же как и назначение цены за его голову русским правительством, достаточно доказывает, как боялись его в России. Со времени его пребывания в Цюрихе, после того как он сделался коммунистом и социалистом, он навсегда порвал с русским правительством.

Вскоре после этого он был вызван в свою страну под угрозой конфискации его имущества, но, зная, что его возвращение приведет только к приглашению совершить путешествие в Сибирь, он предпочел потерю состояния. Его участие в Пражском конгрессе, так же как и прокламация, в которой он на французском языке обращался к славянам, с достаточной ясностью доказывают, что в течение всего этого времени главным пунктом его революционной программы было славянское восстание, что он употреблял всевозможные старания, чтобы произвести слияние славян с другими революционными элементами Европы. Несмотря на все это, многие его считали за шпиона и русского агента. Его значительные издержки, которые он мог производить только благодаря средствам, принадлежавшим польскому комитету, с очевидностью доказывают, что он пользовался полным доверием своих единомышленников.

Во время его последнего пребывания в Берлине следующей осенью он завязал тесные сношения с несколькими лицами, принадлежавшими к крайней левой партии национального собрания. После изгнания из Берлина он проживал, с большими, однако, предосторожностями, в Дессау и

Кетене. Предполагают, что отсюда под его руководством начала раскидываться до Лейпцига и Дрездена революционная сеть, и полицейские агенты Праги, Бреславля и Берлина до сих пор стараются выискать какую-нибудь связь в мятежах названных городов. Если, с другой стороны, – говорит газета. – славянский элемент перевешивал в этих последних волнениях, это выяснится скоро из бумаг Бакунина, которые удалось захватить. В данный момент важно узнать, будет ли заслуживать доверия сообщение о них агентов немецкой полиции особенно, если бы открытия которые отсюда вытекают⁶, подтвердили, что Бакунин не действовал по своей доброй воле, но что он был скорее дипломатом, чем демагогом».

Бакунин правильно понял умысел и происхождение этих заметок. Не опровергая сообщенных ими фактов, он решил лишь осветить перед шведскими читателями свои нынешние намерения. Эту задачу и выполнила статья, публикуемая ниже.

Напечатана она была в три приема: первая часть в №108 от 10 мая, вторая в №110 от 15 мая и третья в №112 от 18 мая 1863 года в газете «Aftonbladet». Одновременно статьи эти печатались в газете, «Nya Dagligt Allehanda». Статьи эти закончены не были. Бакунин, в конце третьей статьи, обещал четвертую⁷. Она в печати не появилась. Можно предположить, что на редакторов и издателей газет был сделан соответствующий нажим, заставивший их прекратить свое гостеприимство. Первой прекратила печатание газета «Nya Dagligt Allehanda», напечатавшая всего две статьи. «По-видимому, – с удовольствием сообщал князю

⁶ Писано в 1849 году.

⁷ Это обстоятельство доказывает, что статья Бакунина была сокращена именно в процессе публикации на русском в журнале «Былое», ибо в самом журнале в статье Бакунина нет обещаний продолжения.

маркиза Велопольского¹⁹ и своего августейшего брата, великого князя Константина²⁰. Известно, какими были их действия.

V. Польское восстание

Однако кровавая драма в Варшаве имела два важных последствия. Первым из них был польский заговор. Понимая, что Бог помогает только тем, кто хочет помочь себе сам, устав страдать, молиться и позволять себя убивать, поляки образовали тайное общество. Двенадцать неизвестных молодых людей, без имени, без положения, без состояния, но умеющих верить и умеющих умирать, все полные энергии и того священного огня, который один является восстанавливающей силой несчастных народов, в начале 1861 года сформировали первое ядро этой потрясающей организации, которая за несколько месяцев охватила всю страну и вскоре стала известна как реальная, осязаемая сила, в тысячу раз более почтенная, слушаемая и уважаемая, чем великий князь Константин, и как единственное законное правительство Польши.

Наряду с этим важным фактом произошло еще одно событие. Российские офицеры, стыдящиеся и отчаявшаяся от роли, которую им приходилось играть в Польше,

¹⁹ Велопольский (Wielopolski) Александр (1803-1877) – маркиз, польский государственный деятель. В 1861-1863 годах занимал руководящие должности в администрации Польского Королевства. Участвовал в подготовке и проведении частичных реформ 1861-1862 годов.

²⁰ Речь идет о великом князе Константине Николаевиче Романове (1827-1892), втором сыне Николая I, брате императора Александра II. Константин Николаевич был наместником Царства Польского в 1862-1863 годах.

отец, сделано правильно... Никаких грез, господа, никаких грез!»

Такова была речь, которую в начале своего правления сын палача Польши осмелился бросить в лицо Польше. Это было одновременно кровавым оскорблением и большой глупостью. Это было полным раскрытием того, чего Польша и сама Россия должны были ожидать от этого императора, эта глупость и это оскорбление предвещали Польше страшные беды, великие беды, вечный позор для нас и реки крови... Пусть вся эта кровь падет на него, он один виноват в этом.

Нужно ли мне рассказывать, что произошло после этого? – Сначала были незначительные попытки реформ, жалкие дети, плохо продуманные и мертворожденные от ложной и бессильной имперской благотворительности, небольшие изменения с большим шумом слов, чтобы обмануть общественное мнение Европы; а в основе всего этого – старый режим, ставший только еще более лицемерным, те же тюрьмы, те же жандармы, те же преследования и каждый день те же оскорбления гордости самой благородной, самой утонченной, но и самой обидчивой нации – та же невыносимая тирания. – И все это неизбежно привело к кровавым сценам в Варшаве, где пьяная солдатня безжалостно массово убивала безоружное, опустошенное, но величественное своим спокойствием и верой в будущее отечества – женщин и детей, преклонившихся у алтарей и молящихся Богу за Польшу.

Это было страшное предупреждение, которым император Александр еще мог воспользоваться. Но чтобы воспользоваться чем-то, нужно было иметь открытое сердце и ум. Его сердце и ум были закрыты. Проклятие, лежащее на Санкт-Петербурге, роковой гений Петра, Екатерины II и его отца Николая давили на него. Он ничего не понял и ни о чем не раскаялся. Он доказал это, послав в Польшу

Горчакову его корреспондент из Стокгольма, – акционеры «Dagligt Allehanda» воспротивились дальнейшему помещению его на столбцах последней газеты

Печатались статьи без подписи, под заглавием «Бакунин о России». Первая статья открывалась следующими строчками, принадлежавшими редакции: «Мы получили от известного беглеца Бакунина следующую статью с просьбой о ее помещении». Далее следовал текст, воспроизводимый нами.

Деятельностью Бакунина сильно интересовался царь. Он, вероятно, неоднократно удивлялся своей прозорливости, вспоминая покаянное письмо Бакунина и свое заключение: «Mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette letter» – «Но я не вижу в этом письме ни малейшего раскаяния».

Но что было – того не воротишь, и вместе с поздними сожалениями обманутому венценосцу приходилось испытывать жестокие уколы от помилованного преступника,

Александр II внимательно следил за заграничными выступлениями Бакунина, читал его статью и сделал на докладе по ее поводу обиженно-надутую надпись: «вполне достойно этой личности». Публикуемая статья Бакунина, вероятнее всего, и вызвала к жизни мысль – опубликовать покаянные материалы о Бакунине. Автор «Исповеди» и «всеподданнейшего» прошения Александру II обмолвился неосторожной фразой: «В моей прошлой жизни нет поступка, за который мне пришлось бы краснеть», – написал он в первой статье.

Люди из III Отделения решили показать всему миру, что это не так. Случайность, нам еще неизвестная, спасла Бакунина от моральной смерти, ибо опубликование «Исповеди» в 1863 году, разумеется, вычеркнуло бы Бакунина навсегда из списка живых.

отцом и которую даже классическая, неумолимая жестокость самого Николая не смогла ни подчинить, ни сломить, ни уничтожить? Если политический опыт к чему-то и пригодился, то этот был полным и четко обозначил роль Александра II. Для замирения Польши всегда было только два пути: один тиранический, жестокий, одним словом, путь императора Николая, который не останавливался ни перед чем и стремился ни к чему иному, как к полному уничтожению польской национальности. Другой путь заключался в том, чтобы вернуть Польше, *всей Польше*, полную ее свободу и ее независимость. Первый путь, примененный жестоким Николаем, не увенчался успехом, должен ли был, мог ли он быть повторен Александром? Очевидно, нет. Ему оставался только второй путь; потому что думать, что между этими двумя крайностями может быть средний путь, – думать, что эта великая историческая нация, возвышенная в своем мученичестве и ставшая величественнее, чем когда-либо, благодаря героической стойкости, непобедимому патриотизму, который также не останавливается ни перед какими жертвами, – думать, что пока в жилах останется хоть капля старой польской крови, эта гордая и благородная Польша никогда не сможет удовольствоваться и примириться, если не будет полностью восстановлена и не обретет полную независимость, – означало бы проявить печальное невежество и большую глупость.

К сожалению, император Александр с самого начала попался на эту глупость. В первый год своего правления он приехал в Варшаву с намерением завоевать сердца поляков и сказал им следующее: «Я полон самых лучших намерений по отношению к Польше, я хочу ей добра, помогите мне в этом... Я люблю вознаграждать, но знайте, господа, я также умею наказывать. *Все, что сделал мой*

вать великую национальную федерацию. – Отрекшись от внутреннего деспотизма, он должен был бы отказаться от системы внешнего насилия, которая превратила Россию в машину завоеваний. Он должен был понять, что это внешнее, чрезмерное величие империи является чудовищным и что ни одна из стран, насильственно присоединенных к русской нации, не приносила ей ни силы, ни богатства, ни счастья, ни чести. Надо было возвратить свободу и независимость всем областям, которые не хотели и не хотят входить в состав русского политического целого. Необходимо было освободить Польшу со всем, что хочет быть Польшей, и Финляндию со всем, что хочет быть Финляндией. Нужно было, совершив этот акт внешней справедливости, смело поднять славянский флаг и громко провозгласить освобождение всех славянских народов, все еще стонущих под игом Немцев, или Турок. Нужно было разорвать все эти воровские договоры, которые держат нас в цепях Германии, и начать новую внешнюю политику, либеральную, человечную, справедливую и глубоко национальную.

Этой ценой император Александр II мог бы приобрести такой действительный и благодетельный авторитет, до сих пор неизвестный императорам России.

Но ему не хватило смелости. Он, имевший возможность сделать так много, все испортил, и испортил так, что исправить это стало невозможно. Это он, а не мы, обрек дом Гольштейн-Готторп на то, чтобы попасть в руки имперской власти. Неисправимые немцы, они в конце концов уедут в Германию.

IV. Причины польского восстания

А для начала, что он сделал в Польше? В этой героической, несчастной стране, тридцать лет мучимой своим

О России

I. Ответ на опубликованную биографию

Господин Редактор!

¹С некоторых пор шведская пресса оказала мне честь заняться мной, и я спешу выразить мою глубокую благодарность независимым газетам Стокгольма и провинции за благородство и великодушие, с каким они приняли участие в моем деле и вместе с тем защитили право шведского гостеприимства от нападков, которые, хотя и обрушались на меня со стороны официозных перьев привилегированной столичной прессы, но, тем не менее, выдают свое иностранное происхождение. Это происхождение, этот источник, никогда не устающий изливать свои черные волны на общественное мнение мира, эти невидимые, но упорные и непримиримые враги всякой правды, всякого права, всякой справедливости и всякой свободы, – я знаю их давно, ибо уж скоро 25 лет я борюсь против них. Они называются Санкт-Петербург и Берлин, солидарные между собой более чем когда-либо и более чем когда-либо заслуживающие общего порицания. Какое же мне дело до их анонимных слуг и их презренных друзей в Швеции! В дружбе, как и в войне, я предпочитаю держаться учителя.

¹ Первая часть статьи не имела названия и даже простого обозначения, что она первая – она была добавлена публикатором. Вторая часть статьи начинается с третьей главы, а третья часть статьи – с пятой главы.

С помощью фантастических преувеличенных описаний, с великим трудом собранных из старой немецкой газеты, известной тем, что она продавалась всевозможным правительствам, хотели запугать шведскую общественность, выставляя меня чем-то вроде Герострата² и революционного каннибала³, мечтающего лишь о поджогах и кровопролитии. И, однако ж, я никогда никого не убивал и не приговаривал к смерти, никогда я не позволял кнуту служить цивилизовыванию народов, никогда не вырезал целых народностей, никогда не сжигал городов и деревень для их лучшего успокоения. Никогда я также не служил в качестве палача или жандарма *con amore*⁴, или как шпион безжалостного деспотического правительства, и никогда его страшной мести я не выдавал Поляков, искавших защиты и убежища.....

Я вызываю моих противников сказать то же самое о себе.

В моей прошлой жизни нет поступка, за который мне пришлось бы краснеть. В 1848 и 1849 годах, как и сегодня, я имел лишь одну веру: человечество; одну цель: победу свободы. Я знал, что все народы солидарны в свободе, как и в рабстве, и, когда я боролся за свободу Запада, я был уверен, что тем самым борюсь за русскую свободу. Я тем более был в этом убежден, что видел, как правительство в

---

² Герострат – грек из города Эфеса в Малой Азии, сжегший в 356 году до нашей эры храм Артемиды Эфесской (считался одним из семи чудес света), для того, чтобы обессмертить свое имя. Имя Герострата получило нарицательное значение: так называют честолюбцев славы любой ценой.

³ Людоед, в переносном смысле крайне жестокий, кровожадный человек.

⁴ С любовью (лат.)

нами, в зависимости от сил и средств каждого, по обоюдному согласию, все сборы, как денежные, так и натуральные: такие как налоги, ежегодные ренты, подлежащие уплате господам, барщина и рекруты. Он также распределяет общинную землю, выносит приговоры и налагает наказания за все преступления, не выходящие за пределы его юрисдикции. Одним словом, это было бы идеальное самоуправление, если бы оно не было искажено произволом господ и цинично не подвергалось насилию со стороны самой хищной, жестокой и несправедливой бюрократии в мире.

Эти три принципа, в их наиболее широком развитии, содержат в зародыше всю будущность России. Их естественным следствием является соединение общин в округа, затем округов – в области, областей – в Государство¹⁸ и применение выборного начала на всех уровнях, за исключением правителя, власть которого может остаться наследственной, – то есть полное и окончательное упразднение немецкой бюрократической централизаторской системы, введенной Петром Великим и усовершенствованной Екатериной II и уничтоженной, в силу логического следствия, императором Николаем. – Император Александр II должен был понять, что, помимо осужденного имперства и этой национальной федеративной системы, нет середины, что нужно либо упорствовать в первом, либо решиться на второе, но что помимо этого нет ни улучшения, ни возможной реформы. Он должен был собственноручно уничтожить эту роковую бюрократию, столь ненавистную народу и ставшую в его руках лишь сломанным инструментом; и на руинах немецкой централизации он должен был осно-

---

¹⁸ Это слово доказывает, что в 1863 году Бакунин еще не был анархистом, но вполне был народником, которому остается всего лишь один шаг, до становления анархистом.

мически солидарная община, единственный владелец земли, которую она занимает, и делящая ее с каждым новым поколением поровну между всеми своими мужчинами. Община является политической и социальной единицей славянского мира и, прежде всего, великорусской расы. Это преобладание общины над индивидом, на первый взгляд, кажется препятствием для развития индивидуальных сил, и нет сомнения, что оно замедляет этот процесс, хотя и не может его предотвратить. Но, с другой стороны, несомненно, что она дает каждому из своих членов чрезвычайно широкую и прочную политическую и социальную основу, силу, которой он не обладал бы, если бы был предоставлен сам себе в своей нищете и в своем невежестве. Только благодаря этой общинной организации русский народ сохранил большую часть своей первобытной энергии, силы будущего, и не пал под соединенным натиском царей, бюрократии, дворянства и духовенства. Поэтому русский крестьянин с уверенностью и любовью опирается на свою дорогую общину и на то, что он называет *миром*, то есть на всеобщее голосование и на высоко выраженную волю общины.

3. Наконец, третьим догматом, необходимым дополнением к первым двум и источником всей нашей будущей свободы, является *самоуправление*¹⁶ общины. Даже во времена крепостничества¹⁷, подавляющее большинство общин управляли собой самостоятельно. После публичных обсуждений на улице, *мир*, всегда единогласно, избирает всех сотрудников общинной управы, а также политического главы общины на один, два или три года. Он также обсуждает свой бюджет и распределяет между своими чле-

¹⁶ Здесь использовано английское слово «*self-gouvernement*».

¹⁷ В России отменили крепостное право только в 1861 году, за два года до написания этой статьи.

Санкт-Петербурге, испуганное революцией в Европе, тайно стоваривалось со всеми реакционными правительствами Германии, чтобы подавить ее. Для нас, честных Русских, любящих свой народ, имеется верный знак, по которому мы находим справедливый, правильный образ действия. Внутренне убежденные, что имперская система в Санкт-Петербурге является полнейшим воплощением всего, что в политической и общественной жизни следует назвать злом, нам достаточно делать противоположное тому, к чему она стремится, чего хочет, что делает, чтобы никогда не ошибаться.

Сам славянин, я ревностно работал на освобождение славянских народов. Я считаю большой честью для себя свое участие в славянском Конгрессе 1848 года в Праге. Я боролся одновременно против двух тенденций, одинаково угрожающих будущему этой расы: той, которая поддерживалась сторонниками Австрии, хотевшими из славянских народностей создать новый пьедестал для могущества Габсбургов⁵, и той, которая поддерживалась петербургским панславизмом.

В 1849 году, когда царь Николай соединился с Австрией, чтобы подавить законное восстание Венгров, я пытался противопоставить этому гибельному союзу священный альянс народов и, прежде всего, примирить славян в Богемии с Немецкими демократами. Мои старания не были совершенно безуспешными, Немцы и Славяне подали друг другу руку для одновременного и всеобщего революционного движения, которое, если бы удалось, спасло бы Италию и Венгрию, подняло бы Польшу и перекинуло бы революцию в Россию. Но все это произошло слишком поздно. Всеобщий отлив уже замечался во всей Европе. Настала пора реакции. Мы должны были потерпеть неудачу.

⁵ Правящая династия в Австрии на тот момент времени.

Восстание в Дрездене, вспыхнувшее раньше, чем предполагали, вследствие государственного переворота, застало меня в этом городе как раз в тот момент, когда я собирался ехать в Прагу, где меня ждали.

Мне было невозможно отстраниться и уехать, и таким образом я, иностранец, не предполагая этого и не желая этого, стал квази-членом повстанческого комитета в Дрездене. Раз втянутый в борьбу, я взялся за нее серьезно. Понятно, что при этом был сожжен театр и несколько домов, пожертвовать которыми было необходимо для нашей защиты. Война не детская игра, и поистине нужно быть очень наивным, чтобы удивляться этому. Но я тороплюсь сказать, что в продолжение этой борьбы народ в Дрездене не совершил ни одного варварского поступка, что он предоставил эту привилегию солдатам, и что уже тогда прусские и саксонские командиры произнесли те жестокие слова, которые сегодня, увы! к вечному стыду моего отечества, повторяются высшими начальниками русской армии в Польше: «В плен не брать, раненых убивать!»

Мы устояли в течение целой недели против объединенных прусских и саксонских войск; после, вынужденные отойти, мы провели в полном порядке отступление в Фрейбург, где мы распустили по домам большую часть наших добровольцев. По прибытии в Хемниц ночью я был, благодаря предательству, схвачен.

Вот видите, милостивые государи, в нескольких словах – вся моя история. Вы не найдете в ней никакого блестящего достопамятного поступка, но также ничего, в чем я должен был бы раскаяться. Если я о чем-нибудь сожалею, так это о том, что я не сумел еще лучше, еще сильнее послужить святому делу свободы. Но я считаю честью для себя, что посвятил ему всю свою жизнь.

Неужели же в Швеции мне придется краснеть за это? Ах! другое дело было бы, если бы я был ревностным и верным

Он должен был понять, что система Санкт-Петербургского имперства, однажды рухнувшая, не могла быть ни восстановлена, ни обновлена каким-либо образом. – Что для нашего будущего существования нужно было искать новую основу, что этой основой мог быть только народ, столь долго игнорируемый, презираемый, мучимый и уставший страдать. – Что, наконец, нужно было искать элементы для новой политической и социальной организации в народе.

Русский народ находясь в ужасном рабстве, которое он терпел более двух веков, сохранил три первоначальные догмы, которые составляют глубоко историческую основу всего его будущего.

1. Во-первых, это общераспространенное в народных массах убеждение, что *земля, вся земля принадлежит народу*. Еще находясь в состоянии крепостного права, он говорил: «Мы принадлежим господам, но земля принадлежит нам». Что касается его зависимости от помещика, то он признавал факт, но не право. Он ненавидел его, проклинал его, и все его усилия на протяжении двух веков, все его общие и отдельные восстания имели только одну цель – избавиться от него. Но он никогда не сомневался в своем праве на землю и был уверен, что, как только он станет свободным, земля будет принадлежать ему безраздельно. Он ждет этого и сегодня, говоря, что господа помещики должны получать пенсии от Государства, а земля, вся земля должна вернуться народу.

2. Вторая догма, сохранившаяся в виде всеобщего обычая на всей территории, занятой великорусской расой, – это *община*. Не западная коммуна¹⁵, представляющая собой скопление индивидуальных собственников, а эконо-

¹⁵ По-французски, использованные здесь слова «община» и «коммуна», обозначаются одним и тем же словом, ввиду того, что во французском нет такого словарного разделения.

недостатки военной и гражданской администрации. А эти недостатки были бесчисленны и ужасны. Весь этот огромный организм официальной России был покрыт язвами. Повсюду царили грубое невежество, обман, возведенный в систему, циничное воровство, продажность, несправедливость, вероломное пренебрежение всякими правами. Имперство Санкт-Петербурга пожертвовал всем ради своей внешней мощи, но этой самой мощи ему не хватило: так что официальная Россия лишилась даже того утешения, той печальной компенсации своих унижений и внутренних страданий, – веры в то, что ее боятся в Европе. Ее уже не боялись, ее презирали, и она сама была доведена до того, что начала презирать саму себя. – Положение стало невыносимым. Нужны были глубокие, радикальные перемены.

С другой стороны, крестьяне были взбудоражены. Они открыто потребовали *земли и воли*. Нельзя было больше отказывать ему в этом, не рискуя вызывать страшную, кровавую народную революцию.

На трон вступил молодой император. Говорили, что он добр, кроток, доброжелателен и не виновен в грехах и преступлениях своего отца. Вся Россия приветствовала его как спасителя. Пожалуй ни один правитель не был так популярен как Александр II в начале своего правления. Ни один правитель не обладал до такой степени властью творить добро. Но, чтобы сделать это в том критическом положении, в котором находилась тогда Россия, чтобы создать новый русский мир, нужно было или много гениальности, а за не имением гениальности – большое сердце. К несчастью для самого себя и для нас, ему не хватило ни того, ни другого. Он один мог бы освободить Россию, не пролив ни одной капли крови. Вместо этого он довел нас до революции и в настоящее время, без сомнения, является величайшим революционером России.

исполнителем идей Санкт-Петербурга и Берлина. В особенности в настоящий момент, когда столько жестокостей и ужасов происходят в Польше по распоряжению одних и преступной услужливости других – мне бы понадобилось либо больше способностей⁶, чтобы скрыть мой стыд, либо на много-много больше цинизма⁷, чтобы снести его.

А теперь, милостивые государи, позвольте мне прибавить несколько слов о тенденциях партии, к которой я имею честь принадлежать, партии народного движения в России.

Надеялись запугать шведскую общественность рассказом, что Русский революционер, то есть самый красный из красных, с некоторых пор поселился в Стокгольме, что между прочим никого не должно было удивить, потому что жизнь здесь так проста и вместе с тем так приятна, общество так гостеприимно и еще потому, что либеральные законы страны разрешают каждому иностранцу приехать и жить без паспорта, требуя взамен этого гостеприимства лишь строгое соблюдение шведских законов, Если даже предположить, что я действительно тот самый страшный и красный человек, каким, одним словом, мои друзья из русской и немецкой дипломатии хотят меня представить и изобразить, какое зло мое присутствие могло бы причинить в Швеции? Разве можно серьезно думать, что революционная пропаганда здесь возможна? Она выполняется только в странах, где правят ваши хозяева, милостивые государи, в странах, где глупость правительства превосходит лишь циничной жестокостью их инстинктов и их делами, разрушающими все справедливое и все свободное⁸, и где революционирующий деспотизм монархов рано

⁶ Esprit – ум, дух.

⁷ égoïsme

⁸ destructeurs de tout droit et de toute liberté – разрушающими всякое право и всякую свободу.

или поздно необходимо вызовет народную революцию. Но здесь, в этой стране, такой счастливой, такой спокойной и пользующейся большой свободой, которая не является здесь, как в других местах, горячо желанной целью, а чудесной привычкой – здесь, где повседневный обычай открытых собраний и свободнейшей прессы никого больше не беспокоит и где прогрессивное развитие, одновременно всеобъемлющее, правильное и быстрое, дает себя чувствовать во всех направлениях, – в этой стране, наконец, которой правит один из самых популярных монархов в Европе, – человек, попытавшийся вести революционную пропаганду, был бы смешным дураком, которого неминуемо убила бы насмешка.

II. На чем я стою

А в остальном, милостивые государи, – вы это хорошо знаете, а если не знаете, то должны были бы знать, ибо за чем бы вы иначе содействовали тем, кто за нами шпионит? – я не приехал сюда, чтобы пытаться устраивать революцию в Швеции. Времена изменились, мы не вмешиваемся больше во внутренние дела других стран. – Правда, мы сохранили все наши прежние симпатии, но опыт научил нас, что каждый действует хорошо лишь дома у себя, на своей земле, и у нас, право же, слишком много дела в России, чтоб иметь время и материальную возможность заниматься делами других. Мы делаем исключение только для *одной* чужой страны – Польши. Ах! это происходит оттого, что Польша прикована к той же цепи, что мы; – как и мы, она является жертвой немецкой чудовищной централизации,

которую он называл порядком, цивилизацией, счастьем народов. Что случилось бы, если бы он не был побежден в Крыму? Для России это было бы большим несчастьем. Но, к счастью для нас, его победа оказалось невозможной. Гигантская империя, которую он считал всемогущей, была уже глубоко подточена со всех сторон и находилась в состоянии полного разложения. Ничего не подозревая, Николай так сильно натянул пружины этой изъеденной червями машины, что она сломалась и убила его самого...

Любой, кто находился в России во время смерти императора Николая и сразу после катастрофы в Крыму, никогда не забудет того огромного трепета, сотрясшего всю империю: это было похоже на первый вздох воскресшего. Официальный мир, правда, был потрясен, он видел, что его владычество разрушено. Но во всем обществе, во всех слоях народа, от одного конца империи до другого, во всех этих миллионах угнетенных, униженных, замученных душ это было содрогание от радости, веры и надежды.

Россия не умерла; несмотря на все его усилия, Николаю не удалось убить ее, и все хорошо чувствовали, что он унес с собой в могилу эту ненавистную имперскую власть. Бесчеловечное творение Петра Великого, Екатерины II, Александра I и императора Николая, этот чудовищный храм, воздвигнутый деспотизмом и рабством, Российская империя, одним словом, была разрушена. С этого момента началось рождение новой России.

После катастрофы в Крыму все поняли, что старая система погибла и что надо создавать новую. Это убеждение было настолько глубоким и всеобщим, что проникло даже в высшие сферы официального мира, обычно мало расположенные к нововведениям. Воскресить мертвое было невозможно, его больше не боялись, его презирали. Общественное мнение, столь долго сдерживаемое и подавляемое, вышло на поверхность. Громко заговорили о

III. Империя и Федерация

Для тех, кого удивит сила моей ненависти к имперской системе Санкт-Петербурга, я скажу, что с ней я познакомился в царствование императора Николая. А это, быть может, был наиболее мрачный период в истории наших императоров, уже самой по себе достаточно мрачной. Это были тридцать лет моральных, физических и умственных пыток, которые пережили семьдесят миллионов человек, угнетенных железной рукой¹³. Это было систематическим отрицанием всякого человеческого чувства, всякой мысли, всякой справедливости. Это была сухая и самодовольная ограниченность прусского капрала с монгольским кнудом в руке; это была посредственность бедного ума и бессердечной воли, душащая все души и все умы в огромной, но глухой, темной и безвыходной тюрьме. – Никто не прислушивался ни к жалобам, ни к стенаниям... Все страдали и умирали в тишине в этом чудовищном удушающем месте, которое называли империей Николая. – Николай был Дон-Кихотом¹⁴ системы, основанной Екатериной II и Петром; он был наиболее совершенным и самым трагическим ее выражением. Он верил в себя и искренне считал себя благодетелем и цивилизатором России. Эта вера в свое всемогущество возвышала его до безумия; он крестился, думая о себе, считая себя предначертанным, посланником Бога с великой исторической миссией: распространить по всей Европе смерть, которую он установил в России и

¹³ Этого предложения нет в журнале *Былое*, но есть в оригинальной статье. Второе письмо «О России», как и третье, сильно урезано при публикации на русском.

¹⁴ Персонаж из романа Сервантеса – бескорыстный, но смешной мечтатель, создавший себе фантастический, нежизненный идеал и растрачивающий свои силы в борьбе с воображаемыми препятствиями, проявляя бесплодное, никчемное геройство.

которая называется Империей⁹ Санкт-Петербурга и которая в себе не включает ничего русского, кроме имени.

Мы, как и они, презираем эту так называемую русскую империю потому что мы любим честь нашей родины, нашего народа; потому что, подобно страшному кошмару, это насильственное, деспотическое положение, основанное единственно на рабстве, на моральной¹⁰ и циничной эксплуатации всех сил народа, с единственной целью – завоеваний, в течение более двух веков давило на жизнь народа, да, на его свободное дыхание; потому что, с тех пор как она основалась на развалинах нашей национальной жизни, эта *императорская власть*, вначале византийская и татарская, затем немецкая, всегда чуждая нам, обвиняла, позорила, разоряла, мучила нас, пользовалась нами как неблагородной мертвой материей, как пассивным орудием для своего величия; потому что неслышанными, бесчисленными злодеяниями, внешними и внутренними, она навлекла на нас проклятие, ненависть и презрение мира. Мы презираем ее за гнусности, которые она сегодня совершает в Польше, и за все то хорошее, что она подавляет в России. Мы презираем ее, одним словом, со всей силой нашего унижения и вынесенных нами страданий, а также со всей мощью нашего сердца¹¹. Между нами и ней война на смерть. – Поляки протянули нам руку, нам, партии национального возрождения, потому что они убеждены, что мы, как и они, желаем радикального уничтожения этой коварной, немецкой империи. – И когда Финляндия,

⁹ В первых переводах здесь и во многих местах далее стоит курсивом слово «императорская власть», вместо более буквального «Империя» (l'Empire).

¹⁰ «morale», возможно, имеется в виду, что эта эксплуатация освящена религией и потому считается «моральной».

¹¹ В первых переводах «будущего», хотя здесь стоит слово «соеуг», «сердце».

в свою очередь, поднимется, чтоб отвоевать свою свободу и свою независимость, мы протянем ей руку, как мы протянули ее Полякам. – *Ибо все враги русской империи Санкт-Петербурга – наши друзья, друзья русского народа, а все ее друзья – наши враги.*

В этой по видимости неравной борьбе, она на первый взгляд имеет все шансы за собой. – Она имеет против нас окаменевшую силу, выросшую за двухвековое существование. Она представляет все подобие могущественного организованного Государства, распоряжающегося более чем 70 миллионами душ, – с финансами, флотом, большой армией, бесчисленной рабски услужливо организованной бюрократией, и с еще более бесчисленным ополчением агентов и шпионов внутри и вне страны, – а за границей, несмотря на опыт крымской войны, несмотря на поразительный, сказочный успех польского восстания – опыт и успех, которые должны были бы открыть миру глаза, – еще не отвыкли бояться и уважать ее. – Кроме того, она располагает дружбой и *наивным восхищением* Берлина, который в настоящее время ведет себя так, будто продал свою душу Санкт-Петербургу, счастливый тем, что может пожать руки, обогранные польской кровью, и не знает, как бы в достаточной мере трусливой угодливостью заслужить себе его улыбку.

И все же, вопреки всему этому, вопреки даже дружбе и любезности Берлина, – я, не колеблясь, говорю, что все шансы борьбы за нас, – что годы и дни этой империи-кошмара сочтены и что, если только польское движение продержится еще немного, то этой царской власти не осталось прожить года.

Я намерен в ближайшем времени в серии статей¹² выявить причины возникновения, быстрого роста и теперешнего упадка мнимо русской империи. Я докажу, что эта империя никогда не была русской и что не было ничего общего между официальной Россией, единственной, которую знает Европа, и народной, национальной Россией. Что вначале Московский царь, татарский и византийский во всем своем существе, и затем его неизбежное дополнение – Санкт-Петербургская немецкая империя основались лишь после кровавой борьбы, длившейся более полувека; что русский народ никогда добровольно не подчинился империи царей – что он двумя гигантскими восстаниями дважды расшатывал государство в самых его основаниях. Что русский народ, даже побежденный и угнетаемый, никогда не примирялся с ней... Я покажу, как эта искусственное и на вид такое мощное Государство, не знающая другой цели, кроме завоевания, – будь то хитростью, насилем или силой других средств, кроме рабского страха и грязного своекорыстия, – подорванная своими собственными пороками, необходимо должна разрушиться, а также каким образом из этого явно приближающегося падения должна вырасти торжествующая, но мирная и счастливая новая свободная Россия.

---

¹² Возможно, имеется ввиду статья «Официальная Россия и русский народ», написанная в октябре 1863 года, опубликованная 12 и 13 ноября 1863 в «Aftonbladet», то есть через полгода после «О России».